

Н. С. Цинцадзе

Литературно-художественное отражение социоприродных проблем советской довоенной деревни (на примере европейской части РСФСР)¹

Постановка проблемы. Экологическая история — это новое, динамично развивающееся научное направление, способное объединять локальные и глобальные подходы к пониманию роли природы в истории человечества. Она заняла прочные позиции в современной исторической науке. На ее благодатном междисциплинарном научном поле удачно сотрудничают специалисты-гуманитарии и ученые-естественники. Специально не вдаваясь в ее обширную историографию, отметим лишь то, что к настоящему времени в проблематике экологической истории России существуют различные научные направления и региональные центры по изучению отдельных ее аспектов как в России, так и за рубежом². Исследователи, работающие в ее научной парадигме, рассматривают экологическую историю как перспективное направление в современной науке в смысле широких возможностей познания прошлого, а также с точки зрения интеграции российских и зарубежных ученых³.

Несомненно, изучение проблем взаимодействия природы и общества на различных отрезках времени интересно и с точки зрения всестороннего познания социальной истории, исторических причин экологических проблем современности, и с позиции выявления определенных закономерностей,

*Цинцадзе
Нина Сергеевна*
кандидат
исторических наук,
доцент, Тамбовский
государственный
университет
им. Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

влияющих на настоящее и будущее. Из обширного поля проблем экоистории России нас интересует взаимовлияние природы и сельскохозяйственной деятельности позднего аграрного общества Европейской России. Причем наш научный поиск ведется в сфере выявления особенностей восприятия экологических и демографических проблем современниками — различными представителями власти и общества⁴. Свое исследование мы осуществляем в рамках научного направления социоестественной истории (СЕИ), созданной Э. С. Кульпиным-Губайдуллиным⁵. В терминологии ученого предмет наших исследований определяется изучением взаимодействия человека хозяйствующего и вмещающего ландшафта, т. е. его жизненного пространства⁶. Солидарны с мнением Л. Е. Гринина о том, что «СЕИ является реально важным направлением междисциплинарной науки, позволяющей лучше учитывать взаимодействия природы и общества, описывать каналы их взаимодействия, более точно определять причины социально-экономических и духовных изменений в обществе»⁷.

Цель данной статьи сводится к анализу специфики отражения социоестественных проблем советской довоенной деревни в художественной литературе.

Источники и их особенности. Бесспорно то, что история и литература выполняют воспитательную, гуманизирующую функцию, но при этом опираются на разные методы познания: история стремится к точности, в то время как литературе как виду искусства свойственны образность выражения и право на вымысел⁸. Строго говоря, художественная литература — не исторический источник, однако она, наряду с иными видами нарративных источников, может помочь в изучении явлений и процессов прошлого, например, при исследовании истории культуры, быта и нравов, общественной и общественно-политической мысли. Ценность литературного отражения состоит в самобытности и субъективно-психологическом осмыслении проблем минувшего, что позволяет историку уловить нюансы прошлого и проникнуть в суть происходившего.

Литературные произведения оказались весьма информативны в сфере изучения особенностей общественного восприятия социоприродных явлений позднего аграрного общества России. Литературные тексты довоенной поры передали историю деревни в самые непростые годы Гражданской войны, военного коммунизма, нэпа, коллективизации. Есть в них и демоэкологические зарисовки, описывающие негативные последствия хозяйственного использования природных ресурсов, антропогенной нагрузки на них, внедрения основ рационального хозяйствования. Для изучения мы отобрали лишь часть художественных произведений, созданных в изучаемый период или написанных несколько позже. Важным при источниковедческом анализе явилось то, что большинство авторов исследованных литературных произведений были уроженцами села Европейской России, очевидцами происходивших в нем событий, что придает их творческим работам исторический колорит. Особую ценность для нас имели повести и романы автобиографического происхождения, обладающие высоким уровнем достоверности в отражении прошлого. Правдивому изображению тягот сельской жизни первых десятилетий советской власти способствовало то, что некоторые писатели знали ее экологические проблемы изнутри: Г. Н. Троепольский по образованию был агрономом, а А. П. Платонов, будучи инженером-гидротехником, в 1920-е гг.

руководил общественными мелиоративными работами в Воронежской и Тамбовской губерниях.

Мы изучили 19 художественных произведений десяти советских писателей: Ф. И. Панфёрова, Н. И. Кочина, П. И. Замойского, К. Я. Горбунова, Г. Н. Троепольского, В. А. Каверина, В. В. Овечкина, М. А. Шолохова, Л. М. Леонова и А. П. Платонова. Проанализировав отобранные произведения, мы выделили наиболее часто встречающиеся в них социоприродные проблемы деревни конца 1910-х — 1930-х гг.: чересполосица, нехватка удобной для хлебопашества земли, частые переделы земель, недостаток лошадей и сенокосов, засуха и голод, нашествия сельскохозяйственных вредителей, обмеление и исчезновение рек, оврагообразование, лесоистребление. Отмечались также и демографические проблемы — высокая рождаемость и высокая детская смертность. Отдельно мы выделили сюжеты о позитивной роли механизации крестьянского труда, агрикультурных методов ведения сельского хозяйства, внедрявшихся в село по инициативе советской власти. Отраженные писателями социоестественные факты в жизни села имели вполне реальное происхождение. В результате проведенного нами анализа законодательных и распорядительных актов высших органов власти РСФСР 1917–1939 гг. мы выявили осознанное и ясное понимание советским руководством указанных проблем довоенной деревни европейской части РСФСР. Вопросы преодоления негативного антропогенного воздействия на природные ресурсы, несомненно, включались в сферу действия законодательства Советского государства, становились частью аграрной, шире — экономической политики⁹.

Работы по опрыскиванию деревьев для борьбы с вредителями в Тамбовской губернии (фото конца 1920-х гг.)

Проблемы истощения почв и земельной неустроенности. Земельная неустроенность фиксировалась в целом ряде официальных документов, способы ее

преодоления неоднократно обсуждались верховной властью. И это было объяснимо: за годы социальных потрясений, унесших жизни миллионов людей, земли были заброшены, сократились площади посевов, резко упала урожайность основных злаковых культур, значительно уменьшилось поголовье скота¹⁰. Стране необходимо было восстанавливать сельское хозяйство, развивать промышленность, обеспечивать город продовольствием. Так, в Положении ВЦИК от 13 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию»¹¹ уделялось большое внимание проблемам уничтожения дальнеземелья и чересполосицы. Согласно «Директивным указаниям для выработки союзного закона о землеустройстве и землепользовании», утвержденным Постановлением ЦК ВКП(б) от 20 октября 1927 г., землеустройство предполагало введение многополья, борьбу с чересполосицей и дальнеполосицей, мелиоративные работы. В документе закреплялись также рекомендации по ограничению нецелесообразных частых переделов земли и дроблению земельных участков¹².

Документам официального происхождения о состоянии деревни вторят сюжеты художественных произведений. Например, Ф. И. Панфёров в романе «Бруски» отмечал, как «поля широковские поделили, перетрясли все вверх тормашками: купленные участки полосками порезали. Дали Катаю лоскуток у Соснового оврага... Да не в одном месте, а разбросали ленточками по всему полю — колеси теперь от своей земли да за семь верст по чужой»¹³. За «бессмысленной» дележкой земли наблюдал местный агроном Сергей Огнев, напоминая сельчанам о законе, запрещавшем частые переделы земель. Он имел в виду Декрет СНК РСФСР от 30 апреля 1920 г. «О переделах земли»¹⁴, в котором категорически запрещалось проведение полных и частичных переделов пахотных участков земли. Любые переделы, осуществленные в нарушении данного декрета, аннулировались, а его участники подвергались судебному преследованию.

Похожие мысли о проблемах деревни и образы героев можно встретить на страницах повести Ф. И. Панфёрова «На реке Цне», ставшей зарисовкой для тетралогии «Бруски»¹⁵. Аналогичная картина довоенной деревни представлена Н. И. Кочиным, отразившим в романе «Девки» непростую жизнь деревни Немытая Поляна Нижегородской губернии в период нэпа¹⁶. П. И. Замойский в романе «Лапти» восклицал: «И это на них, на межах, словно на крестах, распята добротная земля»¹⁷.

У Г. Н. Троепольского чернозем Центральной России выступил полноправным героем одноименного романа. Автор с грустью писал о его истощении и засоренности сорняками: «С обеих сторон от них тянулись полоски хлебов с межами. Полоски, полоски, полоски! Межи, межи, межи! И на каждой меже густые сорняки, “питомники” сорняков. Кругом мощный чернозем — плодороднейшие в мире почвы! — а хлеба незавидные, тощие, наковырянные кое-как сохой»¹⁸. По мнению советского геоботаника и почвоведа Б. А. Келлера, распространение сорняков в земледельческих губерниях приобрело в то время характер государственного бедствия, так как дореволюционные опытные станции пришли в упадок¹⁹. Писатель подметил и то, что в черноземных селах в 1920-е — 1930-е гг. происходило вытеснение ценных сортов пшеницы рожью²⁰. Это подтверждает и советская статистика тех лет²¹.

Проблемы засух и их последствий. Самыми трагичными и тяжелыми по своим последствиям для деревни были засухи. Ф. И. Панфёров писал о том, что в те дни «чумела в пекле земля, чумели и бабы от надвигавшегося голода... обозлились мужики... ходили злые по улицам». «А дни бежали жестокие, колючие, как ежи... Горели в полях хлеба, пересыхали речушки, худела скотина, и роями вились мошки»²². В то время через село тянулись крестьянские подводы: «бежали мужики от голода на море, в Кизляр, в Сибирь за хлебом». Виной тому, по мнению сельского агронома Богданова, было стремление человека бороться с природой, переделывая ее²³.

В 1930-е гг. широковцев настигла очередная беда — суховеи, «невиданный, небывалый». Тогда, как «в иной год откуда-то издалека поднимаются неумные ветры и гонят через Каспий, через пустынные песчаники мглистые туманы — суховеи, — тогда поля начинают черстветь, реки мелеют, выпячивая тенистые дны, деревья раньше срока сбрасывают листву, и всюду ползет скользкий червь — он ползет по дорогам, забывая колеи, грудится в овражках, тяжелыми серыми кистями висит на суках объединенного дуба, а земля, покрытая старческими морщинами, звенит и стонет, будто древняя старуха, проклиная свою затоптанную жизнь». В такую пору крестьяне вынуждены были забивать скотину²⁴. Продолжавшемуся где-то в степном регионе страны в течение пяти суток суховею был посвящен рассказ В. А. Каверина (1930 г.)²⁵.

Власть, конечно, знала об этих явлениях и предпринимала активные действия вначале по ликвидации последствий засух, а потом — уже по их предупреждению. В знаменитом Постановлении Совета труда и обороны (далее — СТО) от 27 апреля 1921 г. «О борьбе с засухой» преодоление последствий засухи признавалось «делом первостепенной важности для сельскохозяйственной жизни страны», «имеющим боевое значение»²⁶.

Писатели усматривали причины описываемых ими негативных социоприродных явлений в неразумной хозяйственной деятельности людей. Именно стремление общества выкачивать из природных ресурсов максимум полезных свойств без их восполнения, по мнению творческой интеллигенции, вызывало ответную реакцию экосистемы: частыми явлениями становились засухи, суховеи и пр. В романе Ф. И. Панфёрова «Волга — матушка река» академик, агроном Иван Бахарев рассуждал о том, как люди «расхитили, скушали [чернозем] эксплуататорским отношением к природе — к лесам, к водам, к рекам, к земле», «относились к земле как крысы к хлебу». Вырубленные леса открыли простор для сухих ветров, подытоживал ученый²⁷.

Проблемы обмеления рек и обезлесивания. Замусоренность рек, рост оврагов, сокращение площади лесов рельефно и ярко представлены в произведениях К. Я. Горбунова, Н. И. Кочина, Г. Н. Троепольского, Л. М. Леонова. Например, К. Я. Горбунов в романе «Ледолом» писал об обмелении реки Волги так: «Верстах в пяти выше Услады Волга делится на два рукава: коренное, судоходное, русло отклоняется вправо, пролегает рядом с Усладой; левое, старица, теряется за лесистым островом, с каждым годом мелеет, забивается илом и песком, зарастает тальником». Причина обмеления реки, как следует из контекста романа, — активная вырубка леса²⁸.

В 1965 г. Г. Н. Троепольский опубликовал очерк «О реках, почвах и прочем», в котором с горестью писал об обмелении большого количества рек Центрального Черноземья в результате неумелой мелиорации 1960-х гг. В очерке есть упоминания о первых «преступлениях против степных рек», совершенных еще в 1930-е гг. Он писал, как в 1938 г. «отрегулировали» русло р. Тавровки и она за три года умерла — «ее полностью, начисто и навеки заилило песком и выносами из балок». До 1930 г. приток Дона р. Осереда была полноводной, но в результате искусственного вмешательства горе-мелиораторов ее уровень резко упал и она высохла. Аналогичное выпрямление русла собирались произвести в 1929–1930 гг. на р. Тихая Сосна, но жители тогда отстаивали свою реку²⁹.

В автобиографическом романе 1938 г. «Юность» Н. И. Кочин описал картину безжалостного сведения лесов³⁰. Пользуясь относительным безвластьем в 1917 г., крестьяне села беспрепятственно рубили лес. Отец героя вздыхал и говорил: «Пока Керенский закон мужикам готовит, весь лес сведут. Вот те крест, и останусь я один в дураках. Закон-то выйдет, а взять уж будет нечего». Он, видя, как его односельчане срубали деревья, строили себе кто новую баню, кто конюшню, боялся нарушить закон³¹. Известно, что 19 апреля 1917 г. министр земледелия Временного правительства А. И. Шингарев поднял вопрос об упорядочении бесконтрольной рубки лесов в целях их сохранения от истребления³². На заседании 9 августа 1917 г. обсуждался проект правил об охране лесов³³. Однако специальных узаконений, направленных на охрану леса от массовой вырубке, в период деятельности Временного правительства так и не было принято.

Крестьяне, ошалев от свободы и вечной нехватки лесного материала, бросились рубить помещичьи леса. В отрывке об этом стихийном уничтожении вековых деревьев чувствуется тоска и грусть Н. И. Кочина: «Сосновый бор встает перед нами чудовищной стеной. Пахнет смолой, прелой хвоей и рыжиками. Ломаются и звонко хрустят под ногами тонкие сучья. В лесу стон сплошной и жуткий. Удары топоров раздаются с разных концов бора, перекликаются между собой и сливаются с эхом. Вдруг разом где-то застонет, затрещит, и с ужасающим и стремительным шумом валится огромное дерево, широкий хруст подламывающихся веток тогда ошеломляет ухо. Точно это вздох самой матушки-земли. На момент делается тихо, и потом — с другой стороны, то же самое, с третьей, и вовсе рядом...»³⁴.

Интересное наблюдение по этому поводу оставил ученый-лесовод, профессор Воронежского сельскохозяйственного института В. И. Иванов, который в начале 1920-х гг. обращал внимание Наркомата земледелия на проблему самовольных лесных порубок. Он с сожалением писал о том, что в годы революционных потрясений «лес оказался имуществом “без собственника”, публичным, им пользовались все и как угодно». Государственные функции по охране и защите леса минимизировались при широкой свободе распоряжения лесом со стороны граждан. Крестьяне стали резко рубить лес для строительства и топки своих изб, так как раньше они были лишены такой возможности. Впоследствии национализация лесов, по мнению ученого, привела к их хищническому уничтожению: их «уничтожали будто бы вообще правовых норм не существовало». «Лес стал всенародным не в юридическом смысле, а в фактическом — каждый считал его своим», — резюмировал В. И. Иванов³⁵.

Впервые экологическая проблематика в Советской России громко была поставлена в романе Л. М. Леонова «Русский лес». Главным героем романа стал многострадальный лес, молча погибавший под топорами россиян в конце XIX в. и на протяжении первых лет советской власти. Подготовке романа предшествовали посещения Леоновым Тульских засек, леспромхозов, общение с учеными-лесоводами Н. П. Анучиным, Г. Р. Эйтингеном, М. Е. Ткаченко. Последний считается прототипом профессора Вихрова, одного из главных героев произведения. Роман получил широкое признание, а в 1957 г. он был удостоен Ленинской премии.

Один из героев романа — «депутат леса», его ярый защитник Иван Матвеевич Вихров, профессор-лесовод, посвятивший всю свою жизнь изучению и защите лесов от массовой и хищнической вырубке. Он упорно не соглашался с коллегой-лесоводом Грацианским, ратовавшим за свободную и беспрепятственную рубку лесов для нужд Советского государства³⁶. На Вихрова сильное влияние оказало истребление леса в Облоге на р. Енге, свидетелем которого он стал, будучи ребенком, когда купцы за бесценок скупали лес под рубку. Купец Кнышев в разговоре с маленьким Ваней Вихровым, как бы оправдываясь, говорил: «Чего ж его жалеть, Ваня, лес-то: все одно чужой он... Думаешь, и без меня не раскрадут ее, Расею-то? Все берут, эва, из-за моря ручищи тянутся. Как же русскому-то близ матушки не поживиться...»³⁷. Работая в молодости лесничим, Вихров замечал, что в пылу Февральской революции не удержали от вырубки водоохранные леса, не хватало охраны в лесах, в которых творилось бесчинство³⁸. Вихров говорил о «свертывании зеленого коврика Европейской России», о том, что сведение лесов понижало уровень рек, способствовало росту оврагов и песков, частоте засух³⁹.

Декрет от 27 мая 1918 г. «О лесах»⁴⁰ закреплял уничтожение в РСФСР частной собственности на леса, деление всех лесов в стране на защитные и эксплуатационные. В лесах первой категории лесопользование было ограничено, второй — нет, они предназначались для извлечения экономических выгод. Защитными леса объявлялись с целью защиты почв, памятников природы, истоков рек и водного режима в целом, укрепления песков и оврагов, сохранения благотворного влияния лесов на климат и пр. Однако, как далее продолжал Леонов от имени своего героя Вихрова, уже в первую пятилетку об этом позабыли и вновь начали рубить лес для нужд промышленности. «Все первенцы нашей индустрии лежали в деревянных пеленках», — образно высказывался Вихров⁴¹. В 1930-е гг. площадь водоохранных лесов, по его мнению, тоже убавилась⁴². При этом в Постановлении СНК СССР от 31 июля 1931 г. «Об организации лесного хозяйства»⁴³ закреплялись беспрецедентные меры по борьбе с вырубкой леса, с обмелением рек Волги, Днепра и Дона, оврагами и песками в засушливых районах, по лесовозобновлению, по улучшению водного режима рек.

Демографические проблемы советской довоенной деревни. Демографические процессы 1900-х — 1930-х гг. характеризовались сложностью и неравномерностью. Экономист и бывший министр продовольствия Временного правительства С. Н. Прокопович отмечал, что до Первой мировой войны наблюдался значительный прирост населения — около 2,1 млн чел. в год. Во время войны рост населения тоже наблюдался, но в гораздо меньших размерах, особенно это касалось сельского населения. В 1918–1920 гг. количество сельского населения оставалось

неизменным. В период неурожая и голода 1921–1922 гг. оно сократилось на 5 млн чел. В период нэпа наблюдался колоссальный прирост населения — 3,5 млн чел. в год. В период первой пятилетки 1928–1932 гг. количество сельского населения оставалось неизменным. В годы второй пятилетки, на которые пришлось неурожайные годы, С. Н. Прокопович констатировал значительное снижение численности сельского населения: ежегодно оно убывало на 2 млн чел.⁴⁴ При этом весь период с 1900–1932 гг. село сохраняло высокую рождаемость и традиционную демографическую модель⁴⁵. Современный специалист в области демографической истории В. Б. Жиромская отмечает, что во второй половине 1920-х гг. в стране наступил процесс «демографической компенсации», характеризовавшийся высоким показателем рождаемости. Общий ее коэффициент в европейской части РСФСР был на уровне 44,7%, а без учета мертворожденных — 30,7%. Смертность понизилась до 24%⁴⁶.

Обоз с беженцами от голода (фото 1921 г.)

В годы нэпа демографические потери войн и революций начала XX в. были восстановлены, в деревне вновь фиксировалось аграрное перенаселение. В романе «Юность» Н. И. Кочин очень достоверно и образно передал крестьянское восприятие проблемы перенаселения. Один из героев романа, Семен Пахарев, вспоминая весну и лето 1918 г., описывал «беспрестанные и затяжные» сельские сходы, на которых «делили и переделывали землю, ходатайствовали о сенокосных угодьях, решали, какую бы часть рощи срубить»⁴⁷. Беднота имела малые наделы в 2–3 дес., убогий инвентарь, лошадь, корову. Урожай хлеба у них был низким, так как удобрений было мало, скота недостаточно, лошади были хилыми. Зато детей рождалось много, по двадцать-двадцать пять, но в живых почти никто не оставался. У жены председателя сельсовета из 28 (!) детей остался в живых только один сын⁴⁸.

Осознавая пагубность земельных переделов, но испытывая перенаселение, крестьяне из романа Ф. И. Панфёрова «Бруски» постоянно делили земли. Так, на заседании сельсовета Захар Катаев заявил: «Я бы вот желал свое хозяйство

раскинуть, да ведь земли-то нет... Ее с небушки не достанешь... Она есть у нас, земля-то, да мы ее раскрошили на ведерки, на кружечки... У меня хоть ведро, а ведь у иных прямо черепки — ничего не соберешь»⁴⁹.

Механизация и мелиорация сельского хозяйства. Писатели с особым вниманием и гордостью запечатлели события широкой механизации сельского хозяйства советской предвоенной деревни. В 1930-е гг. она была одной из приоритетных задач в сельскохозяйственной политике государства: в резолюции Пленума ЦК РКП(б) от 30 апреля 1925 г. «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни» в числе ближайших мер аграрной политики указывалась тракторизация. Одной из хозяйственных задач первых пятилеток являлось завершение механизации сельскохозяйственного производства⁵⁰. Параллельно с тракторизацией решалась проблема развития животноводства. Повышенное внимание ей было уделено в специальном Постановлении СНК СССР от 13 февраля 1930 г. «О мерах к развитию животноводства»⁵¹.

Ценно то, что писатели на страницах ряда художественных произведений сумели передать настроение крестьянства того времени, которое с недоверием и опаской встречало нововведения. Так, Ф. И. Панфёров характерно передал картину появления в 1920-е гг. в артели «Бруски» первого трактора. Большинство сельчан восприняли его в штыки, как инородное явление в крестьянском хозяйстве. Крестьянин по прозвищу Чижик заявил: «У него вон колесища — махина: всю землю придавит». А Егор Степанович добавил: «Он же всю землю прокоптит: хлеб керосином будет пахнуть». Оттого широковцы продолжали «ковырять землю плужками и сохами». С подозрением крестьяне отнеслись и к привезенным в артель Степаном Огневым молотилке и жатке⁵². Описывая долину р. Алай, Ф. И. Панфёров восхищенно и с гордостью отмечал, что теперь ее «не раздирали загончики», «по ней не ползла соха», «но по ней уже гордо шествовали тупорылые тракторы, величавые комбайны, ломая межи, полоски»⁵³.

Помимо описания тракторизации села писатели создали образы героев, стремившихся к внедрению в деревне рациональных методов хозяйствования с использованием достижений агрономии. Ярким представителем этой категории крестьян выступал один из главных героев романа «Бруски» Кирилл Ждаркин, который стремился «отучить мужиков от расточительства, от безобразного отношения к земле». «Мужик наш, — говорил он Степану Огневу, — землю, как корову, привык доить. Доит из года в год, а не кормит». Позже по его инициативе в колхозе организовали опытное поле, на котором высаживали сою⁵⁴.

С социоприродными проблемами села боролся Алексей Столяров из романа П. И. Замойского «Лапти». На одном из сельских собраний Столяров заявил: «Вы со своей землей что делаете? Вот этой проклятой саженью делите ее в году два раза. Подумайте хорошенько, к чему это ведет. За эти годы вы не отвезли и по куче навоза на нее. Земля для вашего села, в котором нет никаких побочных заработков, — это все. Рождаемость увеличивается, а земля одна и та же. Ее не растянешь. Вы ограбили землю, выжали из нее все, что было. И она вместо ста пудов дает тридцать»⁵⁵.

В. В. Овечкин в рассказе «Прасковья Максимовна» представил образ заведующей опытной станцией одного из колхозов Краснодарского края Прасковьи

Максимовны Бондаренко. Она рьяно боролась за повышение урожайности колхозных полей, опираясь на достижения науки, методы мелиорации. Не у всех односельчан ее порыв вызывал понимание, не вызвал он и поддержку руководства колхоза⁵⁶.

В романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» Яков Лукич Островнов заявлял председателю колхоза Давыдову о необходимости снегозадержания на полях с тем, чтобы снег «землю поил», благодаря чему посевы сохранялись бы, земля к весенней пахоте была увлажненной. «Негоже нам хозяйствовать по-старому», — восклицал Островнов. Он, выписывавший журналы по агрономии и имевший хозяйственный опыт, делился своими методами получения хорошего урожая: не срезать подсолнухи под корень, снимая только шляпки — так естественным образом сохранялась преграда от выдувания ветра с поля. Он предлагал еще сделать щиты из хвороста и ставить их на колхозных полях⁵⁷. Осознавая необходимость новых форм хозяйствования, Давыдов обязывал станичников сразу же после весеннего посева трижды полоть поля, чтобы «ни одного сорняка не было на колхозных полях»⁵⁸.

Особое звучание экологические проблемы деревни и способы их минимизации нашли в фантастическо-гротескных произведениях А. П. Платонова. В повести «Епифанские шлюзы» он в иносказательной форме проводил параллель между современной ему эпохой уверенной и амбициозной «реконструкции природы» и модернизацией «сверху» времен царствования императора Петра Великого. Тем самым он подчеркивал то, что насильственные и непродуманные методы хозяйственных реформ ухудшали состояние природных ресурсов. В то время, 25 мая 1921 г., СТО принял программу водного строительства, подразумевавшую реконструкцию водных систем Центра России, устройство ГЭС, осуществление мелиоративных работ в верховьях крупных рек, регулирование притоков рек, ремонт плотин, оросительных систем в ряде губерний⁵⁹.

Действие повести перенесено Платоновым в период правления Петра I, при котором в 1709 г. для строительства шлюзов на реке Воронеж из Англии приехал инженер Бертран Перри. Работы по расчистке и расширению русла реки громко именовались Государственным Дон-Окским Водным Ходом. Изобилуя политическими намеками, повесть описывает, как при строительстве царь всячески торопил осуществление шлюзовых работ, местное население уклонялось от повинностей по строительству необходимых сооружений; наконец, при составлении проекта инженерных работ за основу были взяты параметры водности рек в самый полный для них период, что не позволило достичь цели шлюзования⁶⁰.

В повести А. П. Платонова «Впрок. Бедняцкая хроника» присутствуют наблюдения автора о состоянии окружающей природы. Так, один из героев произведения, некий человек со «средним тамбовским лицом» «глядел не только на новосторящуюся республику, но также на овраги, на могучие обнажения глины»⁶¹. Автор от имени героя повести, электротехника, размышлял о том, что в центрально-черноземных и южных областях страны степень обработки земли была обратно пропорциональна водоснабжению, поэтому ближайшей задачей пятилетки должна была стать работа по заселению водоразделов и их водоснабжению⁶². Апеллируя к современной ему политике вмешательства в естественные природные процессы, Платонов рассказал о сельхозколлективе «Доброе начало», пытавшемся устроить

работу электросолнца, которое периодически заменяло бы настоящее светило, впрок накапливало бы тепловую энергию⁶³.

В повести «Эфирный тракт» А. П. Платонов в фантазмагорическом стиле воссоздал популярное тогда представление о торжестве науки над природой. Герой повести, молодой инженер из Рязанской губернии Михаил Кирпичников, верил в возможность создания некоего универсального эфира, при помощи которого «хлеба будет столько же, сколько воздуха»⁶⁴. Его друг Исаак Матиссен, инженер-агроном, создал насосную установку для орошения полей, приводимую в действие посредством человеческой мысли. Однако, почти разочаровавшись во всемогущей науке, по крайней мере в ее положительном воздействии на природу, перед смертью Матиссен заявил: «Были цари, генералы, помещики, буржуи... А теперь новая власть объявилась — ученые! Злое место пустым не бывает!»⁶⁵.

Выводы. Итак, художественные произведения советских писателей отразили непростые взаимоотношения природы и человека в период эпохальных перемен в России первой трети XX в. Практически все писатели уловили такие экологические проблемы, как максимальная распашка угодий, бесконтрольная рубка лесов, распространение песков, оврагов, засух, суховеев, обмеление рек. Отмечалось ими влияние демографического фактора на развитие довоенной деревни: по инерции сохранявшаяся высокая рождаемость и смертность сельского населения во второй половине 1920-х гг.

С горечью и грустью советские писатели отразили периоды засух, голода, нашествия сельскохозяйственных вредителей и прочих негативных проявлений природных катаклизмов. Подспудно в их произведениях присутствует мысль о высокой степени зависимости человека от природы, но и вера в научно-технический прогресс, помогавший обществу перестраивать природные процессы «под себя». Одновременно они подчеркивали мысль о безнравственности экспериментов над природой, необходимости мирного сосуществования с ней. Литераторы осознавали и пагубность беспрерывного выкачивания ресурсов из природы. Конечно, эти сюжеты, которые мы специально высветили в них, не были центральными, за исключением романа Леонова «Русский лес» и очерка Троепольского «О реках, почвах и прочем». Так пронзительно о гибели лесов и рек Центральной России еще никто не писал в отечественной литературе.

Писатели реалистично и с патетикой передали процессы восстановления сельского хозяйства после войн, засух и иных разрушительных событий конца 1910-х — 1930-х гг., инициированные властью: мелиорация земель, улучшение систем полеводства, удобрение почв, травосеяние, лесоохранение и др. Тем самым они создавали положительный образ нового советского села, популяризировали идеи рационализации труда и широкого применения агрикультурных способов ведения сельского хозяйства.

Особняком в анализируемом ряду произведений, безусловно, стоят повести Платонова. Обладая редким даром парадоксального художника, научного фантаста, ироничного реалиста, он по-особому описал эксперименты над природой, так увлекавшие партийное руководство и научную общественность тех лет. Платоновские герои, задумавшие перехитрить природу, взять верх над ней, смешны и нелепы. Автор писал о заведомо ложном и проигрышном пути установления господства над

естественными ритмами природы. Вера в безграничные возможности человеческого разума оборачивалась отчуждением природы от «нового инженера» — она мстила человеку за вторжение в ее биопроцессы.

Думается, что художественно-литературное осмысление жизни довоенной деревни европейской части РСФСР было невозможно без соответствующего исторического фона (социоприродные явления), который питал творчество писателей. Созданные на этой основе произведения в определенной мере привлекали внимание власти и общества к экологическим и демографическим проблемам села. Писатели показали и то, что государство и крестьянство стали заложниками предшествовавшего царского наследия и энергичной преобразовательной деятельности второй половины 1920-х — 1930-х гг. Очевидно, что проблемы истощения природных ресурсов были вторичны по отношению к иным проблемам и выходили на первый план лишь в связи с необходимостью продовольственного, промышленного и иного обеспечения.

При этом в крестьянском сознании присутствовало понимание пагубности выкачивания природных ресурсов и осознание взаимосвязи между ним и возникшими природно-хозяйственными бедствиями. Чувство природы, любовь к ней были неотъемлемыми частями народного сознания. С разрушением традиционного аграрного общества рушились и традиционное природоориентированное мышление советского крестьянства, и чуткость к биоритмам окружающей среды. Победа над природой в конечном счете оказалась пирровой.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10032).

² См., напр.: История изучения использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона / отв. ред. А. В. Постников, В. К. Рахилин; сост. А. Э. Каримов. М., 1997; Историческая экология и историческая демография: сб. науч. статей / под ред. Ю. А. Полякова. М., 2003; Человек и природа: экологическая история / под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. Лайус. СПб., 2008; *Калимуллин А. М.* Историческое исследование региональных экологических проблем. М., 2006; *Weiner D. R.* Models of Nature: Ecology Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington, 1988; *Bruno A.* Russian Environmental History: Directions and Potentials // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8, no. 3. P. 635–650; *Brain S.* Song of the Forest: Russian Forestry and Stalin's Environmentalism. Pittsburgh, 2011; *Moon D.* The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914. Oxford, 2013; *An Environmental History of Russia* / ed. by P. Josephson, N. Dronin, R. Mnatsakanian, A. Cherp, D. Efremenko, V. Larin. Cambridge, 2013; *Smith J. L.* Works in Progress: Plans and Realities on Soviet Farms, 1930–1963. New Haven, 2014; *Oldfield J., Lajus J., Shaw D.* Conceptualizing and Utilizing the Natural Environment: Critical Reflections from Imperial and Soviet Russia // *Slavonic and East European Review*. 2015. Vol. 93, no. 1. P. 1–15; и др.

³ *Vinogradov A., Merzon E.* Environmental History in Russia: Stages of Development and Promising Research Directions // *Environment and History*. 2015. Vol. 21. P. 313–316.

⁴ *Цинцадзе Н. С.* Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX — начале XX века в восприятии современников: монография / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов, 2012.

⁵ *Кульпин Э. С.* Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. М., 1996.

- ⁶ *Кульпин-Губайдуллин Э. С.* Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 79.
- ⁷ *Гринин Л. Е.* Перспективы СЕИ в интеграции с другими направлениями общественной науки // История и современность. 2016. № 2. С. 3–7.
- ⁸ *Биск И. Я.* Методология истории: курс лекций. Иваново, 2007. С. 116–117.
- ⁹ *Канищев В. В., Цинцадзе Н. С.* Контент-анализ подходов советской власти к природно-экологическим проблемам 1917–1921 гг. // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 144–147; *Цинцадзе Н. С.* Социоестественные проблемы позднего аграрного общества Европейской части РСФСР в восприятии партийно-политического руководства страны 1920–30-х гг. // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Сер. «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XL / под ред. Н. О. Ковалевой, С. К. Костовска, Е. А. Борисовой. М., 2016. С. 140–149.
- ¹⁰ *Кириллов И. А.* Очерки землеустройства за три года революции (1918–1920 гг.). Пг., 1922. С. 11.
- ¹¹ Декреты Советской власти. Т. 4. 10 ноября 1918 г. — 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 372.
- ¹² *Савельев М. А., Поскребышев А. Н.* Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам. М.; Л., 1931. С. 392–393.
- ¹³ *Панфёров Ф. И.* Бруски: роман: в 4 кн. Кн. 1–2. М., 1983. С. 59–60, 66, 144.
- ¹⁴ Декреты Советской власти. Т. 8. Апрель — май 1920 г. М., 1976. С. 127–130.
- ¹⁵ *Панфёров Ф. И.* На реке Цне (быль из жизни колхоза в селе Воронцовки, Тамбовского уезда). М., 1927.
- ¹⁶ *Кочин Н. И.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Девки: роман / предисл. В. Сурганова. М., 1976. С. 90.
- ¹⁷ *Замойский П. И.* Лапти: роман. М., 1976. С. 157–158.
- ¹⁸ *Тропольский Г. Н.* Чернозем: роман и рассказы. М., 1973. С. 15.
- ¹⁹ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 478. Оп. 2. Д. 134. Л. 144–145, 154, 156, 159, 167.
- ²⁰ *Тропольский Г. Н.* Чернозем... С. 138–139.
- ²¹ *Кириллов И. А.* Очерки землеустройства за три года революции... С. 11.
- ²² *Панфёров Ф. И.* Бруски. Кн. 1 и 2. С. 188–189.
- ²³ Там же. С. 416–417, 428.
- ²⁴ Там же. С. 99–100.
- ²⁵ *Каверин А. В.* Суховой // Под чистыми звездами: советский рассказ 30-х годов. М., 1983. С. 45–50.
- ²⁶ Декреты Советской власти. Т. 14. Апрель 1921 г. М., 1997. С. 145–146.
- ²⁷ *Панфёров Ф. И.* Волга — матушка река: роман. М., 1954. С. 18.
- ²⁸ *Горбунов К. Я.* Ледолом: роман: в 2 ч. М., 1973. С. 227, 233.
- ²⁹ *Тропольский Г. Н.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Воронеж, 1978. С. 485.
- ³⁰ *Кочин Н. И.* Собр. соч. Т. 2. Парни. Юность: романы. М., 1977. С. 270.
- ³¹ Там же. С. 305.
- ³² Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 1. Март — апрель 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько и О. В. Лавинская. М., 2001. С. 322.
- ³³ Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации». Т. IX. Журналы заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 3. Июль — август 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько. М., 2004. С. 273–274.
- ³⁴ *Кочин Н. И.* Собр. соч. Т. 2. С. 309.
- ³⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 134. Л. 209–214.
- ³⁶ *Леонов Л. М.* Русский лес: роман. М., 1974. С. 53.
- ³⁷ Там же. С. 145.
- ³⁸ Там же. С. 221–222.
- ³⁹ Там же. С. 223, 279–283.
- ⁴⁰ Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 312–313, 324–325.
- ⁴¹ *Леонов Л. М.* Русский лес. С. 289–290.

- ⁴² Там же. С. 292.
- ⁴³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 2. 1929–1940 гг. М., 1967. С. 346–349.
- ⁴⁴ Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР: в 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. С. 57–58.
- ⁴⁵ Там же. С. 67–69.
- ⁴⁶ Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX в. М., 2012. С. 13.
- ⁴⁷ Кочин Н. И. Собр. соч. Т. 2. С. 340–342.
- ⁴⁸ Там же. С. 357–358, 360.
- ⁴⁹ Панфёров Ф. И. Бруски. Кн. 1 и 2. С. 271–272, 288.
- ⁵⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 373–377, 688–690, 699.
- ⁵¹ Там же. С. 179–184.
- ⁵² Панфёров Ф. И. Бруски. Кн. 1 и 2. С. 160, 185, 279, 281, 300, 320, 322–323.
- ⁵³ Там же. С. 88, 218–219, 246–247.
- ⁵⁴ Там же. С. 68, 211, С. 387–388, 404–405, 408, 430.
- ⁵⁵ Замойский П. И. Лапти: роман. М., 1976. С. 181, 194–195.
- ⁵⁶ Овечкин В. В. Очерки о колхозной жизни. М., 1953. С. 214–228.
- ⁵⁷ Шолохов М. А. Поднятая целина: роман. М., 1974. С. 98–99.
- ⁵⁸ Там же. С. 287–289.
- ⁵⁹ Декреты Советской власти. Т. 15. Май 1921 г. М., 1999. С. 176–179.
- ⁶⁰ Платонов А. П. Эфирный тракт: повести 1920-х — начала 1930-х годов / под ред. Н. М. Мальгиной. М., 2011. С. 120.
- ⁶¹ Там же. С. 286.
- ⁶² Там же. С. 301–302.
- ⁶³ Там же. С. 336.
- ⁶⁴ Там же. С. 27.
- ⁶⁵ Там же. С. 62.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Цинцадзе Н. С. Литературно-художественное отражение социоприродных проблем советской довоенной деревни (на примере европейской части РСФСР) // Новейшая история России. 2017. № 3 (20). С. 182–197.
УДК 902; 94 (470)

Аннотация: Статья подготовлена в русле современного научного направления экологической истории. Изучены особенности художественного отражения экологических проблем советской довоенной деревни конца 1910-х — 1930-х гг. Проанализированы романы и повести Ф. И. Панфёрова, Н. И. Кочина, П. И. Замойского, К. Я. Горбунова, Г. Н. Троепольского, В. А. Каверина, В. В. Овечкина, М. А. Шолохова, Л. М. Леонова и А. П. Платонова. Отмечается, что писатели, будучи очевидцами аграрных изменений, ярко и образно передали как объективные процессы истощения природы (низкое плодородие почв, запустение земель, вырубки лесов, рост оврагов, исчезновение рек и пр.), так и субъективное отношение к ним крестьянства. Также они подмечали проблемы аграрного перенаселения и малоземелья в 1920-е гг. Писатели реалистично передали инициированные властью процессы восстановления сельского хозяйства после войн, засух и иных разрушительных событий конца 1910-х — 1930-х гг.: мелиорация земель, улучшение систем полеводства, удобрение почв, травосеяние, лесоохранение и др. Подспудно в их произведениях присутствует мысль о высокой степени зависимости человека от природы и вера в научно-технический прогресс, помогавший обществу перестраивать под себя природные процессы. Делается вывод о том, что экологические сюжеты в довоенной деревенской прозе не были ведущими, однако они привлекали определенное внимание власти и общества к социоприродным проблемам села. Писатели видели причины описываемых ими негативных социоприродных явлений в неразумной хозяйственной деятельности людей. Именно из-за стремления общества выкачивать

из природных ресурсов максимум полезных свойств без их восполнения, по мнению творческой интеллигенции, вызывало ответную реакцию экосистемы: частыми явлениями становились засухи, суховеи и пр. Взаимосвязь непродуманной, потребительской хозяйственной деятельности общества и негативных природных катаклизмов осознавало и крестьянство. На страницах романов отражена картина тракторизации села, что явилось символом новой советской деревни. В конечном счете советские писатели художественными средствами воссоздали правдивую картину слома традиционного аграрного общества.

Ключевые слова: экологическая история России, традиционное аграрное общество, советская деревня, антропогенная нагрузка, природные ресурсы, художественная литература.

Сведения об авторе: Цинцадзе Н. С. — кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия); ninatsintsdze2010@yandex.ru

FOR CITATION

Tsintsadze N. S. Literary and Art Reflection of Social and Natural Problems of the Soviet Pre-War Village in 1920–30s (on Example of the European part of the RSFSR), *Modern History of Russia*, no. 3, 2017, pp. 182–197.

Abstract: This article was prepared in line with a modern scientific field of environmental history. The article examines features of literary reflection of the environmental problems of the Soviet pre-war village end of the 1910–1930s. Analyzed novels and stories written by F. I. Panferov, N. I. Cochin, P. I. Zamoyskiy, K. Y. Gorbunov, G. N. Troepol'skiy, V. A. Kaverin, V. V. Ovechkin, M. A. Sholokhov, L. M. Leonov and A. P. Platonov. It is noted that the writers being witnessed of the agrarian changes, brightly and vividly passed as the objective processes of nature depletion (low soil fertility, desolate land, deforestation, ravines growth, the disappearance of rivers and so forth), as well as the subjective attitude of the peasantry to them. The problem of agrarian overpopulation and land hunger of the 1920s noticed them. Writers realistically passed authority initiated processes agricultural recovery after wars, droughts, and other destructive events of the end of the 1910–1930s: the land reclamation, improvement of field crop systems, soil fertilizer, grass cultivation, forest protection and others. Latently in their works there was the idea of a high degree of human depending on the nature, at the same time the belief in technological progress, helped society rebuild natural processes "under itself". At the same time, they are realized the harmfulness and uninterrupted, not replenished pumping out resources from nature, expressing their thoughts through the heroes of their works. The conclusion is that environmental subjects in the pre-war "village" prose were not leading, however, they attracted some attention of the authorities and society to socio-natural problems of the village. Writers saw the reasons of the negative socio-natural phenomena, which was described them, in unreasonable economic activities of people. Precisely because of the desire of society to pump natural resources from a maximum useful properties without their compensate, according to the creative intelligentsia, led to a reaction eco-system: frequent phenomenon became droughts, dry winds and so on. Peasantry realized the relationship of unreasoned, consumer economic activity of the society and negative natural disasters. On the pages of novels reflected the picture of tractorization the village, which was the symbol of the new Soviet village. In the end, the Soviet writers by means of art reconstructed a true picture of the breaking of traditional agrarian society.

Keywords: environmental history of Russia, traditional agrarian society, soviet village, human pressure, natural resources, fiction.

Author: Tsintsadze N. S. — Candidate of History, Associate Professor, G. R. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia); ninatsintsdze2010@yandex.ru

References:

- An Environmental History of Russia*, Eds. P. Josephson, N. Dronin, R. Mnatsakanian, A. Cherp, D. Efremenko, V. Larin (Cambridge, 2013).
Bisk I. Ya. *Metodologiya istorii: kurs lektsii* (Ivanovo, 2007).
Brain S. *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalin's Environmentalism* (Pittsburgh, 2011).

- Bruno A. 'Russian Environmental History: Directions and Potentials', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 8, no. 3, 2007.
- Chelovek i priroda: ekologicheskaya istoriya*, Eds. D. Aleksandrov, F.-J. Brüggemeiera, Yu. Lajus (St. Petersburg, 2008).
- Grinin L. E. 'Perspektivy SEI v integratsii s drugimi napravleniyami obshchestvennoy nauki', *Istoriya i sovremenost*, no. 2, 2016.
- Istoricheskaya ekologiya i istoricheskaya demografiya: sb. nauch. statei*, Ed. Yu. A. Polyakov (Moscow, 2003).
- Istoriya izucheniya ispolzovaniya i okhrany prirodnykh resursov Moskvy i Moskovskogo regiona*, Eds. A. V. Postnikov, V. K. Rakhilin, Comp. A. E. Karimov (Moscow, 1997).
- Kalimullin A. M. *Istoricheskoe issledovanie regionalnykh ekologicheskikh problem* (Moscow, 2006).
- Kanishchev V. V., Tsintsadze N. S. 'Kontent-analiz podkhodov sovetskoj vlasti k prirodno-ekologicheskim problemam 1917–1921 gg.', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, 2016.
- Kirilov I. A. *Ocherki zemleustroystva za tri goda revolyutsii (1918–1920 gg.)* (Petrograd, 1922).
- Kulpin E. S. *Bifurkatsiya Zapad-Vostok. Vvedenie v sotsioestestvennyuyu istoriyu* (Moscow, 1996).
- Kulpin-Gubaidullin E. S. *Sotsioestestvennaya istoria: ot metoda k teorii, ot teorii k praktike* (Volgograd, 2014).
- Moon D. *The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914* (Oxford, 2013).
- Oldfield J., Lajus J., Shaw D. 'Conceptualizing and utilizing the natural environment: critical reflections from Imperial and Soviet Russia', *Slavonic and East European Review*, no. 1, 2015.
- Prokopovich S. N. *Narodnoe khozyaistvo SSSR* (New York, 1952).
- Smith J. L. *Works in Progress: Plans and Realities on Soviet Farms, 1930–1963* (New Haven, 2014).
- Tsintsadze N. S. 'Sotsioestestvennye problemy pozdnego agrarnogo obshchestva Evropeiskoi chasti RSFSR v vospriyatii partiino-politicheskogo rukovodstva strany 1920–30-kh gg.', *Priroda i obshchestvo: tekhnologii obespecheniya prodovol'stvennoi i ekologicheskoi bezopasnosti*, Eds. N. O. Kovaleva, S. K. Kostovska, E. A. Borisova (Moscow, 2016).
- Tsintsadze N. S. *Demograficheskie i ekologicheskije problemy razvitiya agrarnogo obshchestva Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka v vospriyatii sovremennikov* (Tambov, 2012).
- Vinogradov A., Merzon E. 'Environmental History in Russia: Stages of Development and Promising Research Directions', *Environment and History*, Vol. 21, 2015.
- Weiner D. R. *Models of Nature: Ecology Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia* (Bloomington, 1988).
- Zhiromskaya V. B. *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* (Moscow, 2012).
- Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitelstva: mart — oktyabr 1917 goda*, Vol. 1. Mart — april 1917 goda, Ed. B. F. Dodonov, Comp. E. D. Grinko, O. V. Lavinskaya (Moscow, 2001).
- Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitelstva: mart — oktyabr 1917 goda*, Vol. 3. Iyul — avgust 1917 goda, Ed. B. F. Dodonov, Comp. E. D. Grinko (Moscow, 2004).